

Мария Некрасова

БОЛЬШАЯ

КНИГА

УЖАСОВ

10

Мечь крысиного короля

Доктор-мумия

Костыль-нога

Вечеринка для нечисти

Мария Евгеньевна Некрасова
Большая книга ужасов – 10 (сборник)
Серия «Большая книга ужасов», книга 10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178210
Мария Некрасова. Большая книга ужасов: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33399-8

Аннотация

«Месть крысиного короля»

О крысиных королях ходят легенды. Говорят, сросшиеся хвостами крысята приносят удачу. Но что происходит на самом деле, знает только Светлана Лебедева – ученица восьмого класса обычной московской школы. Ручная крыса, подаренная Светке приятелем, однажды родила на свет такое чудо – и для семьи Лебедевых началась светлая полоса. А потом за подарки судьбы был выставлен счет. И Светке стало по-настоящему страшно...

«Доктор-мумия»

Думаешь больной зуб – худшее, что может с тобой случиться? Поверь, стоматолог в белом халате и жужжащая бормашина – это еще цветочки! Как тебе саркофаг вместо зубоучебного кресла? А санитары-призраки и методы лечения, устаревшие еще в начале нашей эры? Леха не раздумывая сбежал бы из жуткой клиники, если бы доктор... не запер его в палате, из которой так просто не выбраться!

«Костыль-нога»

Темной-темной ночью по темному-темному поселку бродит ужасная Костыль-нога. И кто на нее взглянет – становится деревянным, кто частично, а кто и целиком. Мне «повезло» – я полностью превратился в дерево. Жуть, да и только. Мальчик-полено... Ну как я теперь покажусь дома, как в школу буду ходить? Однако способ вернуться в нормальное состояние есть: надо отловить зловещий костыль и заставить его снять порчу...

«Вечеринка для нечести»

Богарты, бесенята, оборотни, упыри. Кажется, вся окрестная нечисть решила зайти к нам в гости на новоселье. Непонятно только, чем мы с предками заслужили такое счастье? И что за таинственные надписи появляются на потолке? Кажется, кто-то невидимый пишет послания, адресованные лично мне. Нужно понять, что творится, пока не стало слишком поздно и нечистую силу еще можно остановить...

Содержание

Мсть крысиного короля	4
Глава I	4
Глава II	9
Глава III	10
Глава IV	11
Глава V	13
Глава VI	16
Глава VII	19
Глава VIII	21
Глава IX	22
Глава X	24
Глава XI	26
Глава XII	27
Глава XIII	28
Глава XIV	31
Глава XV	32
Глава XVI	34
Глава XVII	35
Глава XVIII	36
Глава XIX	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мария Некрасова

Большая книга ужасов-10

Месть крысиного короля

Глава I

Как меня выгнали с урока, а потом перевели из восьмого класса в десятый

Липатов маньяк, и тому есть документальные подтверждения. Записочки типа «Лебедева дура» я получаю по три раза за урок. Да чего там! Этот ненормальный до сих пор бы дергал меня за косички, если бы я не подстриглась два года назад под свою любимую Тутси; до сих пор клал бы мне на стул кнопки, если бы я не купила на зиму ватные штаны; до сих пор отвешивал бы мне подзатыльники, если бы я не записалась в секцию карате. А ведь мы уже в восьмом классе! Я понимаю, он влюбился и не знает, как привлечь мое внимание, но от этого не легче.

Мама говорит, что из таких упертых маньяков вырастают великие ученые и политические деятели. Насчет ученых сомневаюсь – Липатов двоечник, а насчет политиков – что ж, он действительно отлично умеет портить людям жизнь.

В этот свой день рождения я не ждала ничего особенного. Уже не маленькая, знаю: люди старше двенадцати лет редко получают в подарок то, чего хотят больше всего. Потому что хотят многое. В классе мне надарили бесполезных мягких игрушек, тонну безвкусной бижутерии, гору ластиков-ручек – в общем, никто не соригинальничал, кроме, конечно, Липатова. Ни за что не угадаете, что он мне подарил!

КРЫСУ! Живую! Рыжую, как морковка, и без клетки. Что тут началось! Девчонки с визгом полезли на парты, мальчишки заржали, короче, праздник сразу стал веселым. Я стояла с крысой на плече и не знала, благодарить его или, может, по шее съездить? Крыс-мышей я не боюсь, так что сделать гадость у Липатова не получилось. Но, как говорит бабушка, «Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь». Так что по шее я ему съездила, но крысу взяла – отдашь, он ее, пожалуй, замучает или подложит кому-нибудь из учителей, что, в общем, одно и то же.

Пришла физичка, оценила обстановку и выгнала нас с крысой. Это был последний урок, так что я особенно не возмущалась. Липатов, хотел он этого или нет, одно благородное дело сделал – отпустил меня пораньше домой. Сам выскочил следом.

– Светка! Подожди! Ты че, обиделась, Свет? – закричал он.

Я цапнула в раздевалке свой тулуп и выскочила на улицу. Липатов за мной. Он шел рядом, потупившись.

– Я думал, ты любишь животных... Извини, Свет.

Крыса на моем плече сопела мне в ухо. В голову лезли положенные в таких случаях вопросы: как ее назвать, чем кормить и что скажет мама? В том, что ругаться она будет, я не сомневалась. Мама терпеть не может животных в доме. Я пробовала в детстве притащить котенка – что было! Мне припомнили все грехи, от пролитого на ковер варенья до герани, съеденной в несознательном возрасте. На котенка повесили всех собак: и блохастый он, и лишайный, и царапучий, и мебель портит... Котенка папа отвез на «Птичку», а я с тех пор больше не рисковала.

– Я-то люблю, – буркнула я Липатову, – мать не любит.

Липатов виновато покосился на крысу и выдал:

– Правило знаешь? Дареное не возвращают.

Я сказала, что и не верну, будь спок, и он заметно приободрился. Порылся в рюкзаке и достал диск группы «Гимназия»:

– Вот еще. Твоя любимая Тутси.

Я взяла и молча кивнула. Тутси – солистка группы. Я ее не люблю. Да я ее ненавижу просто! Она старуха, ей двадцать четыре – я на десять лет моложе. Она толстая, обхват бедер – девяносто пять! У меня девяносто. Она поет под «фанеру»! И двигаться не умеет! Я пою и танцую дома перед зеркалом без всякой «фанеры» в сто раз лучше этой Тутси. Но при этом она – звезда, а я рядовая восьмиклассница, каких полно на необъятных просторах нашей родины. Где справедливость?

– Ну хочешь, я твоей матери объясню? – наседал Липатов. – Крысы, они хорошие, умные, умнее кошки. И не кусачие вовсе, если правильно воспитывать.

Я подумала: почему нет? При Липатове мама точно не будет ругаться. И согласилась.

Мы шли через парк. Вообще, парк – сильно сказано. Зеленый пятачок среди шумных улиц. Смех, а не парк! К тому же половину пятачка занимал особняк академика Александринского.

Как я ненавидела Тутси, так академика Александринского ненавидел папа. Они защищали диплом в одном институте на одной кафедре, только с разницей в двадцать лет. Когда академик был академиком, папа еще топтался в кандидатах наук. Тогда им и раздавали квартиры на нашей улице. Александринский получил особняк, профессеры переселились в кирпичные новостройки, а папе досталась двухкомнатная в пятиэтажке.

Если бы квартиры раздавали сейчас, папе дали бы не двухкомнатную, а двухэтажную, и не в пятиэтажке, а в пентхаусе. Оттуда один шаг до особняка (конечно, в переносном смысле. В прямом – побольше и больно падать). Но сейчас ученым платят мало, а квартир совсем не дают. Александринский был виноват только в том, что раньше родился, папа это понимал, но все равно чувствовал себя обиженным.

Я посмотрела на плечо – крыса шевелила усами, подергивала маленьким розовым носиком. А она красивая, не чета подвальному. Ярко-ярко-рыжая, как будто выкрашенная хной, с розовыми ушками, лиловыми глазами... словно из волшебной сказки. Нет, теперь я нипочем не отдам ее Липатову!

* * *

Чудеса начались, как только мы переступила порог квартиры. Мама возилась на кухне, но, увидев нас, все бросила и с умильным лицом выбежала навстречу:

– Ты моя красавица!

Я думала, это она мне, поздравляет с днем рожденья. Но фигурки! Проигнорировав меня и даже не поздоровавшись с Липатовым, мама схватила на руки крысу и, сюсюкая, утащила ее на кухню.

– Какая ты красивенькая, какая рыжая, пойдем, я тебе вкусенького дам...

– Животных не любит, говоришь? – с ехидцей спросил Липатов.

Я кивнула: да, не любит.

– Не понравилась, так и скажи! – обиженно шикнул Липатов. – Чего на мать-то валишь?!

– Правда...

Он не верил мне, а я – своим глазам. Мама, что ли, успела полюбить животных, а я и не заметила?

Мама посадила крысу на стол, выловила на блюдечко из кастрюль по кусочку того-другого и поставила перед зверем:

– Кушай, рыжик.

– Ты бы нас покормила, что ли! – возмутилась я.

Мама только плечами пожала:

– Садитесь, готово, кто не дает! – И ни слова на тему «Поздравляю с днем рождения и все такое».

Липатов разобиделся окончательно. Буркнув «До свидания», он отвалил, не замеченный и ненакормленный. Ну и пусть.

Я пристроила свою тарелку рядом с крысой и села обедать. Мама суежилась рядом, подкладывала крысе еду в блюдечко. Что-то зверь подозрительно много ест! И пузо у нее толстое. Сама худенькая, а пузо толстое, как будто апельсин проглотила. Я подумала, что надо спросить у Липатова, сколько едят крысы и какое у них должно быть пузо. И заодно – чем ее кормить, а то мама накидала и мяса, и картошки, и подливки – может, крысе вредно?

Меня отвлек телефонный звонок. Трубку взяла мама:

– Да... Здравствуйте, Сан Саныч...

Я поперхнулась, цапнула со стола тарелку и ушла к себе. Сан Саныч – мамин начальник. Лысый и мерзкий. Мама у меня обозреватель в журнале. Обозревает раз в неделю Интернет, не выходя из дома, работает за компьютером. А Сан Саныч звонит ежедневно примерно раз в три часа и спрашивает, готовы ли обзоры. По-моему, он маньяк, вроде Липатова, только Липатов в меня влюблен, а Сан Санычу нравится издеваться над мамой. Папа каждый раз грозит спустить его с лестницы, но все никак не дожидается подходящего случая – Сан Саныч не ходит к нам в гости.

Я сидела у себя в комнате, дожевывала обед. Из-за двери доносились обрывки разговора:

– Нет, ведь я должна их сдать только в пятницу, а сегодня вторник... Сан Саныч, ну кому будет интересно читать в понедельник новости прошлого вторника?!

Сейчас мама поругается с лысым, потом будет пить валерьянку. Через часик отойдет, сядет за компьютер. Поработает немного, а потом Сан Саныч еще разок позвонит и – смотри выше... Вот, мама начала заводиться:

– Если вам не на ком сорвать злость, купите боксерскую грушу!

При необходимости я могла бы суфлировать, но мама обходилась сама. Записать, что ли, на магнитофон, да врубить каждый раз этому лысому, когда он звонит?

За окном громыхнули ударные, завизжал саксофон, тренькнула об асфальт разбитая бутылка. Московское время – шестнадцать ноль-ноль. Под окнами у нас ночной клуб, его открыли пару месяцев назад, и с тех пор весь дом сверяет по нему часы. Как начнет громыхать – шестнадцать ноль-ноль, клуб открылся. Здравствуй, веселый вечер и не менее веселая ночь: музыка, крики, звон разбитого стекла... Ну отдыхают люди! Только все затихнет – семь утра, пора вставать.

Сперва мы бесились, писали коллективные жалобы, а потом привыкли. Иногда я не могу заснуть, если за окном тихо.

Мама вошла ко мне, растерянная, зареванная, как всегда после разговора с Лысым. Вместо того чтобы сказать «Дай валерьянку и подушку», сказала:

– Иди, купи клетку крысе. Я полежу, мне что-то нехорошо...

Еще бы! После таких разговоров ей долго приходится отлеживаться. Нашла время думать о крысе. Хотя не может же зверь шататься по квартире без клетки.

Я дала маме подушку и валерьянку, дежурный плед – и отправилась за клеткой.

* * *

В магазине мне чуточку повезло. Какой-то растяпа набрал полный комплект для крысы, а потом спохватился, что забыл кошелек, и ушел. Клетка, домик, лесенки, витаминки, гамак, мячик – все уже было упаковано, и даже чек выбит. Я расплатилась, сгребла покупки и пошла домой.

Из магазина самый короткий путь – через школьный двор. Я тащила клетку и думала, как, наверное, крыса устала после переполоха в классе и как ей неудобно в незнакомой квартире. Ничего, сейчас крыска заберется в домик... Подстилку я не купила. На чем спят крысы?

– Лебедева! – Крик Ларисы-директрисы застал меня в двух шагах от школьных ворот. Я подумала: «Сейчас влепит за крысу, наверняка физичка ей уже настучала». – Лебедева, стой!

Делать вид, что не слышу, было бессмысленно. Орала Лариса так, что на первом этаже стекла дрожали. Я вздохнула (ну, ерунда, попилит и отпустит) и направилась к ней.

– Да, Лариса Дмитриевна.

Лариса-директриса смерила меня взглядом и выдала:

– Пойдем ко мне в кабинет. У меня для тебя новости.

Так... простой нотацией я уже не отделаюсь. А что она мне сделает? Выгонит – вряд ли, за крыс не выгоняют. Поставит в полугодии двойку за поведение... Ну, это ерунда, это можно пережить.

В директрисин кабинет я вошла почти смело. Лариса уселась на стул, кивнула мне на соседний и выдала:

– Я перевожу тебя в десятый класс.

Неслабо да? Хорошо, что я сесть успела, а то бы так и свалилась на пол. За какие такие заслуги, позвольте спросить?

– Я давно за тобой наблюдаю, – журчала эта шокотерапилка, – ты способная, схватываешь все на лету. А что четверки у тебя случаются, так это просто – тебе уже неинтересно в восьмом классе, вот и халтуришь иногда.

Я слушала и не верила своим ушам. Учусь я действительно неплохо, но назвать ботанкой меня все-таки нельзя. Я запросто могу прогулять и не сделать уроки, когда лень, да и, в конце концов, есть в моем классе ученики и посильнее!

– Ты, конечно, не такая старательная, как Ремнева с Ивановой, – Лариса будто читала мои мысли, – но ты способнее их, они зубрят, а ты учишься!

Я как во сне бормотала что-то вроде «Спасибо, конечно, я оправдаю ваше доверие», Лариса кивала и нахваливала мои феноменальные способности.

Отпустила она меня только через полчаса. Я вылетела из школы, красная как рак, думая, что учиться в десятом вообще-то хорошо: два года попотеть – и школа закончена. А Ремнева с Ивановой и остальные пусть парятся все четыре года, раз такие неспособные!

* * *

Домой я прибежала в прекрасном настроении. Установила клетку на кухне (пусть зверь живет поближе к продуктам!) и стала искать крысу. На кухне ее уже не было, в родительской комнате – тоже. Мама сказала, что видела ее только что в коридоре, но там тоже крысы не оказалось... Она нашлась в моей комнате. Крыса сидела на диване и грызла мои новенькие туфли – папа подарил с утра, я только успела примерить. Я присела рядом. Отобрала и посмотрела – нет, не починить. Крыса будто знала, как портить обувь – она погрызла не каблук, не набойку, а самый носок. Можно, конечно, поставить заплатку, но некрасиво же

будет! С досады я зашвырнула туфлю в угол. Крыса вздрогнула от шума и уставилась на меня глазками-бусинками.

– Что ж ты делаешь, бестия рыжая! – Я вскочила и...

Так больно было только в детстве, когда я наступила на осколок бутылки. Большой палец на ноге, как будто резали ножом. Я стянула носок, посмотрела – на пальце были следы крысиных зубов.

Глава II

Как меня укусили, не кусая, а Сан Саныч извинился перед мамой

Кровь стекала на пол. Рыжая сидела на диване, глядя на меня невинными глазками. Нет, если бы она меня укусила, я бы заметила. Стала рассматривать палец – не порезалась, точно укус. Вот две глубокие лунки от крысиных резцов. Что за фигня?

Крысу я посадила в клетку, рану обработала. Маме решила не говорить – нечего ее расстраивать, ей так понравилась крыса.

Только я успокоилась и включила телек, как опять зазвонил телефон. Мама взяла трубку:

– Да. Да...

Второе «да» она сказала таким убитым голосом, что я сразу поняла, кто звонит. Лысый. Опять он! Сколько можно доводить маму?! В детстве я мечтала, что вырасту, приеду к маме на работу и надаю ему по шее. Видимо, уже пора.

– Здравствуйте, Сан Саныч...

Ну, я же говорила! Что-то он сегодня даже чаще, чем обычно. Прошло-то всего часа два с его последнего звонка. А должно быть – три....

Мама подозрительно замолчала. По установленному сценарию она должна была сказать: «Еще не готовы» и тут же начать оправдываться. Но в этот раз мама отступила от сценария:

– И вы меня извините. Я понимаю, вас волнует своевременность подачи материалов... Неужели? Ну, спасибо, Сан Саныч, спасибо, обрадовали! Да? Ну, замечательно!

Я высунулась из комнаты и с любопытством уставилась на сияющую маму. Что такое с лысым монстром? Или это звонит какой-то другой Сан Саныч, мало ли их на свете?

Мама положила трубку и подмигнула мне:

– Прикинь, Светик, мне зряплату повысили! И с обзорами, сказали, можно не торопиться!

Вот уж новость так новость!

Глава III

Как замолчал клуб, а у крысы появились крысята

Я сидела за уроками – Лариса навязала мне кучу десятиклассных учебников, и все надо было дочитать примерно до середины. За один-то вечер! Утопая в незнакомых терминах и формулах, я вполуха слышала, как пришел папа, как познакомился с крысой (ему она тоже понравилась). Выходила на кухню звонить Ларисе и видела, как папа играет с крысой, заставляя переползать с ладони на ладонь, как позволяет этой бестии, съевшей мои туфли, ковыряться в своей тарелке...

Когда я не то чтобы все прочла, а просто сказала себе, что не могу больше, было уже начало двенадцатого. Ничего себе! Да я даже не поужинала!

Родители уже спали – свет в их комнате не горел. За окном привычно гроыхала музыка. Крысе это не нравилось. Она металась по клетке, фыркала, шипела, кидалась на прутья. Я выпустила ее, но сделала только хуже – у зверя прибавилось свободного пространства, и вместо клетки она стала бегать по всей кухне, шипя и попискивая.

Я налила ей свежей воды, совала сухарики – все без толку.

– Да успокойся же ты! – сорвалась я наконец. – Подумаешь, ночной клуб! Натанцуются к утру, да притихнут.

Крыса неожиданно успокоилась и заползла в клетку. Я почесала ее за ушком.

– Умница. Спи.

Но спать она не хотела. Лечь-то легла, но продолжала тихонько попискивать, как детская игрушка-пищалка. Сперва громко, потом тише, потом тоньше и чаще... Я сидела рядом и растерянно слушала. Вот диапазон у животного, почище несчастной Тутси!

И вдруг музыка разом смолкла. Просто: «Хоп!» – и все, тишина. А писк стал выше октавы на три и звучал так, словно пищала не одна крыса, а...

Я сунула руку в клетку и осторожно приподняла деревянный домик... И увидела *его*. Это было похоже на креветку с восемью головами, на сосиску-мутанта, на... Минуту спустя я сообразила, что это не креветка и не сосиска, просто у крысы родились крысята. Маленькие слепые, голые.

Крыса обнюхала мои руки и позволила потрогать крысят. Они были горячие и гладкие.

Глава IV

Как меня с почетом усадили на помидор, а я не знала, что сказать про Октябрьскую Революцию

Я вперлась в свой десятый, как заблудший путешественник на остров племени Тумбаюмба. Девчонки раскрашенные, мальчишки лохматые-усатые, и все не скачут по партам, как мы, а сидят с умным видом, уткнувшись по трое в одну книжку. На меня никто и головы не поднял, давая понять, что всякие стриженные и бледнолицые им до фени. Я нашла себе место – самую дальнюю парту у окна, не занятую, не захламленную и даже почти не разрисованную (не принято у них тут, что ли?).

Нашла, бросила рюкзак, с удовольствием плюхнулась сама и...

Этот звук я узнаю даже на концерте школьного ударного оркестра. Как новогодние куранты! Как позывную музыку «Ералаша»! Уже зная, что сейчас будет, привстала. По моему стулу растекался мягкий коричневатый помидор. Любимая шутка Липатова, как фирменный знак Зорро. Можете вообразить, какая красота была у меня на штанах?!

Только вот Липатова рядом не было. Липатов остался в восьмом. Я оглянулась. Весь класс пялился на меня и хихикал. Ясненько. Большие-то большие, а не лучше Липатова. В смысле – помидор на стул подложить не побрезгуют.

Хихикали все, и трудно было понять, кто именно это сделал. Знала бы – отделала, как «химия» химичку!

– Кто?!

Так они и признались! Класс уже не хихикал, а просто ржал над моей дурацкой беспомощностью.

– Куплю завтра килограмм помидоров да всем наложу на стулья! – тихо сказала я. – Раз один не хочет признаваться, пусть будет каждому по помидору!

Никто и не моргнул. Мне даже не съездили по шее. Наверное, моя угроза звучала глупо.

Своевременно появилась классная, сказала «Здравствуйте» и велела всем встать. Хорошо, что я выбрала последнюю парту! Сзади никому не было видно, как сильно любят здесь новичков. Хотя зачем видеть, когда и так все знали?

Я грызла ногти. Ничего. Выйду потихоньку на уроке да ототру со штанов художество. А стул... Пересяду на соседний, парту я заняла целиком. Впервой, что ли?! Да если хотите знать, в нашем с Липатовым романе были и более страстные эпизоды. А свой излюбленный помидор он ухитрился подкладывать именно в те дни, когда меня должны спросить. (У двоичников на удивление хорошо получается вычислять, кого когда спросят. Для меня, например, каждый раз неожиданность, а он знает.)

Училка, наконец, велела сесть и началось ОБЖ. Училку за глаза называли Юрка. Нет, она женщина, просто отчество Юрьевна, а имя непроизносимое. Она развесила на доске плакаты и стала рассказывать о взрывчатых веществах и всяких там детонаторах. Я неважно знаю эту тему. Собственно, о детонаторах я знаю только то, что они есть, а если нет, то и радуйся.

Я подняла руку:

– Можно выйти?

– Малявочка обдулась! – послышался дурашливый голос. Я заметила, кто это сказал – белобрысый прыщавый урод с первой парты. Он у меня получит, будьте спок! Липатова наравлю и сама добавлю.

Класс заржал. Юрка пожала плечами:

– Иди, раз не терпится.

От хохота дрожали оконные стекла. Проклиная и этот класс, и Ларису, за то, что так удружила, я бочком-бочком, чтобы не было видно пятна, вырвалась на свободу.

В женском сортире сидел на подоконнике Липатов и курил. Мужской был этажом ниже, и ему было лень спускаться – все равно урок, никого нету. Я молча отвернула кран и стала замывать испорченные джинсы. Красный помидор на синей джинсе – ужас! Мелкие помидорные косточки забивались под ногти. С минуту Липатов пускал колечки, с любопытством уставившись на меня. Наконец, проявил участие:

– Проблемы?

– Не больше, чем с тобой, – огрызнулась я, но справедливости ради добавила: – Они, что ли, у тебя патенты покупают на шуточки? Десятый класс, а никакой изобретательности!

Липатов самодовольно кивнул:

– Покажешь, кто.

Я подумала, что правды уже никогда не узнаю, раз помидорный диверсант не обнаружил себя с самого начала. Но на того, который кричал: «Малявочка обдулась!» стоит натравить Липатова.

– У твоей крысы крысята родились, – сообщила я.

Липатов обрадовался, как молодой папаша, и стал мне рассказывать, чем подкармливать крысят, когда они подрастут. В общем, остаток урока мы провели с пользой.

* * *

На истории вышла заминка. Всякие там алгебры-физики я вчера кое-как пролистнула, а вот на гуманитарные учебники времени уже не осталось. Историчка вызвала меня как будто специально, чтобы поднять на смех:

– Лебедева, расскажи нам про Октябрьскую революцию!

Одноклассники заранее хихикали.

Давно мне не было так стыдно. Я не знала, что сказать, какая тут революция, когда мы в восьмом ее не проходили, а вчера я не успела прочесть.

– Ты будешь отвечать или нет? – наседала училка. Я буркнула что-то вроде: «У меня болит голова, можно выйти?» – сгребла сумку и выскочила из класса. Мне было стыдно, и еще я рассердилась на училку – видит, что человек не готов, чего лезет? Зачем вообще меня эта Лариса в десятый перевела – нарочно поиздеваться? Не ботанка я, не ботанка!

Волоча рюкзак на одной лямке, я выбрела на школьный двор. Может, прогулять остатки уроков? А что? Совру, что голова заболела.... Возвращаться в школу не хотелось по уйме причин: во-первых, уроки все равно не сделала, так что сидеть за партой – только позориться, во-вторых – одноклассники... С этим белобрысым Липатов разберется, но не сможет же он отлупить весь класс!

И, в конце концов, – не забыла ли мама покормить крысят? «Двойка – пятно чернил, а крыса – живое существо», – решила я и двинулась к дому.

Глава V

Как я дала интервью, а дядя Саша вспомнил, что у него есть брат

У ночного клуба толпился народ: что это они в неурочный-то час? Подойдя ближе, я увидела директора в костюме (конечно, запомнила за два месяца, врагов надо знать в лицо), двоих в милицмейской форме и еще двоих в гражданском. Директор торопливо перебирал ключи на связке и ворчал под нос:

– Металлодетектор-то стационарный! Как он ухитрился пронести оружие?!

– Пластиковый трехгранник, – охотно пояснил милиционер. – Никакого ножа не понадобилось.

Вид у него был такой будничней, что жуть брала. Стоял себе, смотрел, как директор возится с ключами, отпирая дверь. А между тем сегодня ночью кому-то в клубе не понадобилось ножа, потому что был пластиковый трехгранник. Я вспомнила, как резко стихла музыка. Хоп – и все. А теперь вот – милиция... Неужели, кого-то убили?!

Крыса обрадовалась мне, как родной. Должно быть, эти пищащие-скулящие успели ее порядком достать, и она была рада увидеть существо крупнее средней креветки. Она выскочила в коридор меня встречать (клетку я, что ли, не закрыла?), забралась по штанине на рукав, по рукаву на плечо, и уселась, щекоча усами мою шею. Я почесала ее за ушком и пошла на кухню варить крысиную кашу. Крысята высунули мордочки из домика. Они уже покрылись голубой шерсткой и открыли черные угольки-глазки. Я протянула мизинец сквозь решетку и осторожно их погладила. Влажные булавочные носики тыкались в мой палец, царапались еще не прорезавшиеся толком зубки.

Каша не подгорела и не сбежала, что вообще-то со мной случается редко. Я покормила крысят с пальца, крысу из мисочки, все остались довольны. Отмывая в теплой воде испачканные кашей пальцы, я думала, что Липатов, наверное, первый раз в жизни сделал мне приятное, подарив крысу.

От этих милых мыслей отвлек звонок в дверь. Для родителей рановато, может, кто из соседей? Я пошла открывать.

На пороге стояла девчонка старше меня года на три. Она окинула прихожую цепким взглядом таможенника и скороговоркой представилась:

– Здрас-сь, Пупкина Катерина, газета: «Новости округа». Интервью бум давать?

Я опешила. С каких это пор у меня берут интервью для газеты? Что ли, я поп-звезда теперь? Я посторонилась, давая Пупкиной дорогу, и рассеяно забубнила:

– Какое интервью? Зачем?

Журналистка смерила меня строгим взглядом, заглянула в блокнот и с сомнением уточнила:

– Лебедева Светлана?

– Да.

– Тебя перевели из восьмого сразу в десятый? Притом в середине года?

Я пожала плечами – действительно странно, но разве это повод для районной администрации насылать на меня журналистов с диктофонами?

– Да ты не стесняйся, – угадала мои мысли журналистка, – просто расскажешь, как училась, как старалась, как ты этого добилась...

Я молча бросила журналистке тапочки и повела ее на кухню. Мне было нечего рассказывать. Учусь я неплохо, но не зубрю всю ночь напролет и никогда не ставила себе цели

перейти из восьмого сразу в десятый. К тому же сегодняшняя двойка по истории и прогул... Было стыдно.

Журналистка впрыгнула в тапочки и засеменила за мной. Я усадила ее за кухонный стол:

– Чаю?

Она кивнула и стала крутить на шее фотоаппарат:

– Не обращай внимания. Я хочу показать тебя не только как отличницу, но и как обыкновенную девочку: Светлана Лебедева на кухне помогает маме, – она щелкнула, как я наливаю ей чай, – или вот Светлана Лебедева общается с четвероногим другом...

Крыса вылезла мне на плечо и, не мигая, уставилась в объектив.

– Положи руку на домик с крысятами, – посоветовала журналистка, пусть видят, что домашний любимец у тебя не один.

Я положила, журналистка щелкнула. Мы уселись за стол, она включила диктофон и стала задавать дурацкие вопросы:

– Сколько часов подряд ты занималась, чтобы перейти из восьмого в десятый?

– У тебя, наверное, нет друзей, ведь обучение требует времени, а оно необходимо для учебы?

Я вспомнила о друзьях, и стало еще паршивее. В этом десятом классе все старше меня и все считают меня ботанкой и малявкой. А мои прежние друзья из восьмого наверное теперь будут думать, что я зазналась...

– Ты не стесняйся, – наседала журналистка, – говори все как есть. Так просто у нас из восьмого в десятый класс не переводят.

Я и рассказала все как есть. Что ничего особенного я не делала, просто старалась хотя бы через день готовить уроки, чтобы двоек не получать. Двойки никому не нравятся. Журналистка спрашивала, всегда ли я такая скромная, я говорила, что нет, не всегда, только когда приходится давать интервью для газет. Она вежливо смеялась, а я только пожимала плечами: что за бред, в самом деле?

Она расспрашивала про родителей, природу и погоду, про моих крыс, про всякую ерунду, как будто она просто моя подруга и зашла поболтать. Перед тем как закончить, она глянула на пленку в диктофоне:

– Десять тысяч знаков сделали, закругляемся, – сфотографировала меня на последок за столом над книгой и упорхнула.

Давненько я не была так счастлива, как в тот момент, когда за ней захлопнулась дверь. Как будто с контрольной убежала. Крысята выглядывали из своего домика, умильно растягивая тоненькие черные губки. Я только успела почесать их за ушками, как в дверь опять позвонили. На этот раз папа.

– Здорово Светка, – он ворвался, как всегда – сперва, не разуваясь, на кухню – попить воды и перевести дух, потом – назад в прихожую снять ботинки. Впрочем, сегодня он задержался на кухне, чтобы погладить крысят: – Здорово, братки!

Не знаю, за что он их так прозвал – братки стриженные, толстые, глупые, а крысята вон какие хорошенькие. Хотя у папы все братки – он так называет и друзей, и даже академика Александринского (за глаза, разумеется). Крысята ответили дружным попискиванием. Папа покопался в кармане и высыпал перед ними горсть миндаля:

– Налетай, братва, спешл фор ю!

Крысята благодарно расхватили орехи и укрылись в домике грызть. Папа ускакал в прихожую разуваясь. В ту же секунду зазвонил телефон. Я взяла трубку.

– Наташа? – веселый мужской голос. Незнакомый.

– Мама будет позже, – я уже приготовилась повесить трубку. Но голос меня остановил:

– Светик? погоди, это дядя Саша из Филадельфии. (Он говорил «Филадэлфии», как настоящий американец). Дядю Сашу помнишь?

Ну кто, скажите мне, помнит всех своих дядь, тетя, племянников, особенно если объявляются они не на каждый праздник? Дядю Сашу я не помнила вообще. Ни как он выглядит, ни чем занимается. Даже не помнила, чтобы родители о нем говорили.

– Помню, – буркнула я без энтузиазма, чтобы он понял – вру, не хочу расстраивать.

– Ну и ладушки! – обрадовался голос. – Позови папу!

Я позвала. Папа удивился, но трубку взял. Судя по его виду, не очень-то он жаловал этого дядю Сашу и величал его отстраненно – Александр:

– Александр, привет! Нормально Александр, нормально. Что? Да нет, был «жигуленок», Наташка разбила в прошлом году. Да ладно! Шутись?! За какие заслуги? А, тебе самому без надобности...

Я слушала вполуха – мыла посуду и ничего не понимала. Что за дядя Саша, из какой Филадэ-элфии? Судя по разговору, он приготовил что-то для папы. Папа бросил трубку и упорхнул, ничего не объяснив.

А через час под окнами загудел длинный, как вагон, белый «Линкольн». Я прилипла носом к стеклу. В «Линкольне» сидели родители и махали мне.

Глава VI

Как мы сели не в свои сани

– Это мой двоюродный брательник, эмигрант, – объяснял папа, когда мы все вместе колесили по вечерней Москве, обкатывая новую машину. – За десять лет он мне прислал открытку по электронной почте, потому что бумажная денег стоит. Я думал, совсем американцем стал. А он, оказывается, вернулся, работал тут под боком в представительстве американской фирмы.

– Эмигрант? – переспросила я.

– Ну! Он в начале девяностых уехал в Америку. Мы с матерью – бабушкой твоей, отговаривали, мол, кому ты там нужен, Саня, в своем доме и стены помогают. А он уперся – нет, зачем мне такой дом, в котором не ценятся мои мозги?

– Оценили же, раз он такие машины дарит!

– Оценят они... Подставили Сашку: навесили на него чужие долги. Теперь он опять поедет в Америку, честную фирму искать. А «Линкольн» этот, – папа шлепнул по рулю, – должен был уйти за копейки. Сане, конечно, обидно, что какие-то прохиндеи будут ездить на его машине. Лучше мы поедем, правда? – И папа шутя напялил шоферскую фуражку, которая валялась рядом на сиденье.

Машина шла ровно-ровно, как сани, нет, как игра-бродилка. Буквально не чувствуешь, что едешь, я и не замечала бы, если бы не менялись виды за окном. Сколько же таких «Линкольников» в Москве? Десять? Двадцать? Ну, хоть бы и пятьдесят, все равно ездить на одном из них – это круто! У Тутси нет «Линкольна». Знаю, знаю, сама видела, как она подъезжает в тачке – близняшке нашей, тоже белой, такой же длинной. Мы с девчонками выследили тот «Линкольн» на стоянке у концертного зала «Россия». Хотели понюхать, какие у Тутси духи, а может, и найти сувенир – заколку или платочек. А водитель говорит: «Че нюхать, у меня там пиво пролито – я вчера свадьбу возил». Наемная оказалась машина. Так-то.

«Линкольн» плыл по ночной Москве, фонарики мигали, папа рулил, мама упражнялась в подъеме и опускании стекол и подлокотников. Нравилось ей.

Папа спросил:

– А как у нас с деньгами?

– С деньгами у нас так, что если мы не купим тебе ту дубленку, то сможем сходить в дорогой ресторан, – отчиталась мама.

Я поняла, что все у нее было решено еще в тот момент, когда мама узнала про дяди Сашин подарок. А то бы зачем она переодевалась-подкрашивалась и брала с собой дубленочные деньги?

– Я вообще-то хотел купить бензина, – признался папа. – Хотя шут с ней, с дубленкой, летом они подешевеют. Давай в ресторан. Если Светку пустят.

– С такой машиной? – усмехнулась мама. – Я бы посмотрела, как ее не пустят!

* * *

Ресторан мама выбирала по машинам на стоянке. Где было много «жигулей», мы даже не притормаживали, рядом с «фольксвагенами» и «шкодами» ей тоже не хотелось срамиться. Дорогуший «брабус» маму напугал, потому что на джипах ездят братки. Остановились там, где больше «мерседесов». Мама еще спросила, правда ли они «шестисотые», а уставший от этой мороки папа заверил ее, что да, самые «шестисотые», шестисотей не бывает.

К нашему «Линкольну» подскочил швейцар в смешной красной форме, как у пожарника из мультиков, и распахнул нам дверцу. Довольная мама дала ему на чай, сахар и хрустальную сахарницу.

– Где папа? – спохватилась я, когда мы в сопровождении мультяшечного пожарного шествовали к ресторану.

Мама так освоилась с ролью богачки, что только плечом дернула:

– Может, платит за парковку... Догонит, идем.

Мы вошли в огромный зал, и тут же подскочил официант. Этот был в синей «бабочке», белой рубашке, черных брюках и жилетке под цвет пожарного швейцара. Скалясь, как ученая обезьяна, он скороговоркой выдал:

– Добро пожаловать, столик на двоих, аперитив за счет заведения, рекомендую семужку.

Не успели мы сообразить, почему на двоих и зачем нам какой-то Семушка, как оказались за столиком в углу. Под носом у меня возник бокал с бледной оливкой, плававшей в чем-то желтом, на сцене полуголый факир катался по битым стеклам. Все было отлично видно, только ни папа, ни тем более рекомендуемый Семушка за столиком не поместились бы.

Официант сунул нам меню и упорхнул.

Я оглядывалась по сторонам. Потолки были как в Большом театре, и люстры такие же. Все отделано бордовой тканью, стены зеркальные, факир начал жрать стекла, наш официант перешептывался со швейцаром. Пахло фруктами и немного краской. Где папа, наконец?

Официант опять подскочил к нам. А мама вместо того, чтобы попросить другой столик, выдала:

– Давненько мы у вас не были!

Улыбка сползла с лица официанта.

– Это не вы потеряли кошелек? – нехорошим голосом спросил он.

Мама полезла в сумочку, проверила кошелек, пересчитала дублированные доллары. Официант навис, как башенный кран, беззастенчиво заглядывая ей в руки. Доллары его успокоили, но впечатления не произвели. Прохладно выслушав маму, он пересадил нас за другой столик, опять сунул меню и вразвалочку удалился.

– Эх ты, а еще говорила: «Мы, журналисты, наблюдательные!»! – сказала я маме. – Прикинь, ресторан только-только открылся, еще краской пахнет, а ты – «Давненько мы у вас не были»... И стоянка здесь бесплатная, а ты что сказала?

– А тебе откуда знать про стоянку? – с подозрением спросила мама.

– Из рекламы. Чуть какое место побогаче, обязательно говорят: «...и бесплатная охраняемая автостоянка».

Мама порозовела. С наблюдательностью у нее и правда не очень, зато воображение богатое. Она, конечно, поняла, что подумали о нас швейцар с официантом.

– Куда прешь?!

– Туда.

– Места для персонала в смежном зале!

Крики раздавались у входа. Мы с мамой сидели далеко и то расслышали. Я вытянула шею, но увидела только красную спину швейцара да пяток охранников в белых рубашках. Кажется, кого-то не пускали в ресторан, и назревала драка.

Мама привстала, вглядываясь в спины:

– Светка, по-моему, там наш отец.

Я ломанулась к выходу. В дверях действительно стоял папа с забытой на голове шоферской фуражкой и под вопли охранников пытался прорваться к нам.

– У меня там жена и дочь! – доказывал он.

– Места для персонала в другом зале, – заученно твердил швейцар.

Я протиснулась сквозь строй охранников, протянула руку и сдернула с папы фуражку:
– Так лучше? Это наш папа. Он любит иногда сам поводить машину. Имеет право?

Охранники расступились. А папа, взъерошенный, но гордый, взял меня за руку и повел на улицу.

Маму мы вызвали, постучав в стекло. По-моему, она сама была рада уйти.

– Ты права, – выдал папа, садясь за руль. – То есть они правы.

– Кто? – не поняла мама.

– Человек, у которого есть «Линкольн», сам его не водит, – изрек папа. – Кто может позволить себе такую машину, тот может и шофера нанять. Эти халдеи хотели запихать меня в зал для прислуги. Там, говорят, чай бесплатный и телевизор. Решили, что я ваш шофер.

– А мне в кошелек заглядывали, – поделилась мама, чтобы ему было не так обидно.

– Правда?

– Ага. Проверяли, сможем ли мы расплатиться.

– Надо было им жалобу написать, – мстительно буркнул папа.

– Да нет, мы сами вели себя глупо. Сели не в свои сани.

Мне было грустно. Он большой ученый, наш папа, хотя ему всего сорок пять. Шестидесятилетние доценты называют его на «вы» и по имени-отчеству, Александринский, когда здоровается, подает ему все пять пальцев (а многим – один или два). И вдруг – «Места для персонала в смежном зале»!

Глава VII

Как я прославилась, а живодеры отступили под ударами превосходящих сил

Ночной клуб молчал всю ночь, и с утра меня поднял будильник, а не внезапно наступившая тишина. Я поглядела в окно на закрытые двери клуба. Убили там кого-то или нет, а клуба здесь больше не будет. Парень с каким-то чудным инструментом бесшумно снимал вывеску.

На тумбочке у кровати лежала газета. И какая!

Моя счастливая морда с крысой на плече занимала половину первой страницы. Дальше шли фотки поменьше: я мою посуду, я тереблю крысят в домике, я делаю уроки. И заголовок: «Бывшая восьмиклассница». Интервью со мной залезло на вторую страницу. Каверзные вопросы журналистки редакция сделала еще каверзнее, а мои глупые ответы углупила до безобразия:

– Ты всегда хорошо училась?

– Да. Мне нравится хорошо учиться. Потому что двоек не ставят, – и так далее. Вот сволочи! Ну и что же, что человек стесняется диктофона. Я, в конце концов, не каждый день даю интервью, могли бы, наоборот, приукрасить, раз так хотели сделать из меня героиню дня! Одна радость – фотки вышли неплохо.

Я присобачила газету над кроватью и пошла кормить крыс.

Рыжая первой вылезла из домика и вскарабкалась ко мне на плечо. Любит меня, бандитка! Крысята только мордочки высунули. Они здорово подросли за ночь, но покинуть гнездо пока не решались. Я покормила их и засобиралась в школу.

* * *

Во дворе стояла живодерка. Два мужика с большими сачками паслись у подвала, третий тащил к машине полный сачок бездомных котов. Сачок был длинный, чулком. Живодер перекрутил его, и орудие коты оказались как в мешке с завязанной горловиной. Дворовые собаки сидели в ряд и с любопытством смотрели шоу. Ловцы не обращали на них внимания. Похоже, у них был праздник давленных котов.

Только я отошла, как навстречу мне попала вторая живодерка. А с другой стороны, как во время облавы на вещевом рынке, во двор въезжала третья! Это был какой-то живодерский ОМОН: все в камуфляже, правда, застиранном, все с одинаковыми сачками. Живодеры горохом посыпались из машин и кинулись к подвалам. Оставшиеся для прикрытия снайперы заряжали духовые ружья, стреляющие шприцами не то со снотворным, не то с ядом.

Такого мява не услышишь и на поп-концерте! Живодеры орудовали в подвалах и подъездах, а мне со двора было слышно так, что уши закладывало.

Из первого подъезда выскочила сумасшедшая тетя Шура – у нее пенсия две восемьсот и двадцать кошек. Чем она их кормит – загадка, но любит всех, это я точно знаю. Она подбежала к живодерке и схватила за рукав дядьку:

– Мурзика верни, урод!

Мужик отпихивался локтем, потому что обе руки у него были заняты сачком с котами. Тетя Шура ловко саданула его по коленке, он оступился, и бойкая пенсионерка, перехватив сачок, размотала горловину. Спасенные коты полезли на нее, как на дерево. Не успел живодер опомниться, как увешанная котами тетя Шура скрылась в подъезде и захлопнула у него перед носом дверь с кодовым замком.

Из подвала между тем выходили другие живодеры с полными сачками. Я и не подозревала, что в нашем доме столько кошек. Их вытряхнули в железный кузов, как картошку, и живодеры уже собрались пойти на повторный рейд, но из подъезда выскочила тетя Шура. Она была уже без котов, зато с целой оравой подружек-старушек, вооруженных кто чем. У тети Шуры была швабра, за ней шествовали две старушки со скалками и третья, почему-то с полотенцем. Они подбежали к дядьке, у которого тетя Шура минуту назад отвоевала котов, и набросились на него.

Другие живодеры не решались помочь. По-моему, идут на такую работу люди бесстыжие, но все-таки задавить кошку – не то же самое, что ударить старушку. А дядьке пришлось несладко. Тетя Шура лихо орудовала шваброй, старушка с полотенцем отпирала фургон, старушки со скалками стояли на стреме. Фургон распахнулся, и оттуда выскочило с полсотни котов, оглашая двор истеричным мявом. Тетя Шура загнала дядьку за руль фургона и велела катиться колбаской.

Через полминуты армия старушек уже окучивала другие фургоны.

Я не стала смотреть продолжение: во-первых, надо было бежать в школу, во-вторых, я знала – наши победят!

* * *

До школы мне идти через три двора. И в каждом стояли железные фургоны. Я видела, как мальчик с котенком убегает от живодера и прячется в подъезде. Живодер, кажется, был пьяный. Мальчика он догнал, котенка отобрал и вернулся к подъезду уже с сачком, чтобы пошарить в подвале.

Район терпел нашествие живодеров. Собак не трогали. Может, на какой-нибудь меховой фабрике не достача? Вот они и «затыкают щели» кошками?

Глава VIII

Как Волков отомстил мне за фингал, поставленный Липатовым

Одноклассники встретили меня приветливо, в смысле, без помидоров на стуле. Вчерашний белобрысый урод щеголял багрово-лилово-черноватым фингалом. Я мысленно потирала руки – отомщена. Вошла физичка и объявила, что сейчас будет тест. Я успела вчера пролистать нужную тему, так что почти не боялась. Достала листочек, подписала... сзади кто-то больно дернул меня за волосы. Обернулась – никого. Конечно, моя парта последняя. Посмотрела в сторону – белобрысый с фингалом сидит, хихикает. Врезала ему учебником по башке – заткнулся.

Училка диктовала вопросы, я писала. Все писали. В классе стояла непривычная тишина. У нас в восьмом, если уж пишем тест, то непременно с перешептываниями, шуршанием шпор, а тут – тихо. Все такие умные, что ли?

А когда все сдали свои листочки, я все поняла, но было поздно...

– Лебедева! – окликнула меня физичка. – Лебедева, ты почему не написала ни строчки?

Я разинула рот. Что значит, не написала?! Все написала, и даже почти уверена в пятерке (тест был по знакомым темам).

– Зачем ты мне это сдала? – физичка помахала в воздухе чистой бумажкой. Я подошла. В верхнем углу листа была написана моя фамилия. Моей рукой. Больше ничего не было.

Забыв приличия, я стала рыться в стопке тестов на училкином столе – точно! Вот он, мой тест, мои ответы, вот моя помарка. А подписан он другой фамилией. Волков! Наверное, тот белобрысый, который дернул меня за волосы... Как же просто меня надули! Дождались, когда я подпишу чистый листок, дернули за волосы и, как только я отвернулась, листок подменили. А я не заметила, что пишу тест уже не за себя, а за этого Волкова... Я еще раз посмотрела на бумажки – почерк не очень-то различишь, если написаны десять букв да десять цифр в столбик. Только ручка у меня светлее.

– Не смей копаться на моем столе! – очнулась училка. – Двойка, Лебедева! Я удивляюсь, за что тебя к нам перевели! Твое место в седьмом, даже в шестом...

Она ругалась, а я думала, что в одном она права. Ну, поучилась бы я в восьмом, как все нормальные люди. Ну, закончила бы школу, как все, не торопясь. А теперь... Из-за спины я показала Волкову кулак. Стало легче.

Глава IX

Как известный академик лежал при смерти, а я танцевала для крысят

На улице стояла непривычная тишина. Ни одной машины! И кошек не было. Про стройку молчу – на ее ворота повесили замок. Я ввалилась домой, родители были уже там. Они сидели перед телевизором и настороженно смотрели в экран, как будто показывали по меньшей мере «Пиратов Карибского моря». Я села рядом. Шли новости. Угрюмый диктор рассказывал, что академик Александринский при смерти, и что весь наш микрорайон объявляется зоной тишины. Показывали места, где перекрыто дорожное движение, людей, которые отстреливают ворон из духовых ружей.

Из кухни послышался писк, и я побежала к крысятам.

– Тише топай! – шикнула на меня мама. – У одного ушко болит!

Я кивнула и на цыпочках подошла. Крысята лежали в домике, высунув мордочки наружу. Одна мордочка выражала такое страдание, что по ней я сразу вычислила больного.

– Врача вызвали? – шепнула я родителям.

Мама кивнула:

– Едет врач. Долго, потому что на велосипеде, чтобы не шуметь.

Я решила варить крысиную кашу. Крысиная мама нервно бегала вокруг клетки. По телеку показывали тишину. Родители сидели на диване и даже не перешептывались. Я помещивала кашу, стараясь не скрести ложкой по дну. И тут в дверь позвонили!

Крысенок вздрогнул и болезненно пискнул. Папа на цыпочках подбежал к двери, открыл и нервно зашипел:

– Тише! Где-то ходите три часа, а потом еще шумите!

Послышались робкие извинения, и в кухню вошел ветеринар. Это был сухонький сутулый старичок в белом халате с нашивкой – синим крестом. Он вымыл руки в раковине, открыл клетку, осторожно вытащил крысенка.

Вслед за ним потянулись и остальные. Точнее, они просто повисли на его хвосте вверх тормашками. Хвостики крысят были связаны. Врач осторожно посадил крысенка и взял хвостики в руку. Мы смотрели через плечо. Узел, мертвый узел. Месяц будешь распутывать – не получится. Вряд ли крысята так ворочались в гнезде – они смирные, скорее всего, родились такие. Врач повертел узел в руках – в некоторых местах хвостики срослись. Что же делать?! Бедные маленькие крысята, так им всю жизнь и ходить, как сиаемским близнецам? Врач еще повертел узелок и выдал:

– Для начала я их разъединю.

– Больно же будет! – испугалась моя мама, а мама крысиная вдруг ошетибилась, зашипела и набросилась на врача. Она вскорабкалась к нему на грудь и вцепилась зубками ему в нос, и мы долго не могли ее отодрать. Врач орал, а у крысенка болело ушко, крысенок пищал, а крыса-мама не переставая грызла врача, от этого врач орал...

Капли он все-таки выписал, а хвосты разъединять мы не дали. Налепили врачу пластырь на нос и вывели. Я сбегала за каплями.

Сросшиеся хвостики крысятам не мешали, и нам некогда было думать, что с этим делать. Резать не надо точно – больно же, а они маленькие! Главной проблемой сейчас было ушко больного крысенка.

Крысята лежали на диване, вид у всех был жалкий, хотя ушко болело только у одного. Мама прыгала вокруг с пузырьком капель. Едва она нацеливалась в нужное ухо, крысенок отворачивался, а ухо подставлял другой. Мама обходила диван, нацеливалась снова, но кры-

сята опережали ее, и начиналось все сначала. Крысиная мама ошивалась тут же. Она бегала кругами по подушке и пищала. Кажется, она на своем крысином языке пыталась уговорить ребенка принять лекарство. А может, она так по-своему переживала?

Странный все-таки народ – родители. Мама, например, сто раз рассказывала, как они с папой впихивали в меня творог, когда я – маленькая не хотела есть. Папа пляшет, я, обалдевая от зрелища, разеваю рот, мама ловит момент – ложка творога съедена. Сто раз рассказывали, оба – и мама, и папа. Еще хвалились своим гениальным методом! А сейчас не догадались его применить.

Я сняла туфли, чтобы не шуметь, подстелила коврик и максимально тихо принялась исполнять на коврике всевозможные па. Без музыки, конечно. Какая музыка – ушко болит!

С таким удовольствием я давно не танцевала даже на дискотеках. Если бы меня увидела Петрова из параллельного (она танцует лучше меня и очень боится, что этого кто-нибудь не заметит. Постоянно подкалывает!), так вот, если бы она меня увидела, то утопилась бы в ванной, так я танцевала.

Первые три минуты крысята не обращали на меня внимания. Они были слишком увлечены своей игрой с мамой. Игра называлась: «не ошибись ухом». Мама подносила капалку с одного бока – они поворачивались другим, а то и вовсе подставляли другую голову. Но потихоньку первые три крысенка заинтересовались моим танцем, а за ними повернули головы и все остальные. Я моргнула маме: давай! Папа наблюдал в сторонке. Когда все крысиные головы были повернуты в мою сторону, все носики дергались только в одном направлении, мама без труда отсчитала нужную голову и – кап – смазала больное ушко. Крысенок возмущенно пискнул, но тут же забыл, увлеченный моим танцем.

Вообще-то, операция уже прошла, и я могла остановиться. Но крысенок так не считал. Стоило мне притормозить, как начинался жуткий писк, падание на бок – крысенок всем видом показывал, как ему больно и только искусство помогает ему держаться.

Родители уже поужинали, крысы тоже, а я все плясала и плясала. Спину ломило так, будто сорок грузчиков вместе с грузом решили поучаствовать на мне в «Формуле-1». Ступни разбухли, как суповые тарелки, и окаменели так же. Я чувствовала себя молодой слонихой, решившей попробовать силы в балете. А крысята смотрели и радовались. Ближе к ночи перед глазами поплыли круги, я искренне пожалела участников танцевальных марафонов. Как-то они, бедные, по десять-шестнадцать часов танцуют и танцуют?! Уснула я, кажется, тоже танцуя. Во всяком случае, не помню, как уснула.

Глава X

Как восемь крысят оказались одним королем, а мы узнали о завещании академика

С утра по ящику показали новость – одна из немногих велосипедных катастроф в Москве. Наш вчерашний ветеринар на своем велике ехал по совершенно пустой дороге и как-то ухитрился съехать в канаву. Говорили, он сломал обе ноги.

Зону тишины не отменили, папа был ужасно этому рад. За завтраком он признался, что, если будет ездить на «Линкольне» хотя бы только на работу, вся зарплата уйдет на горючее и еще будет мало. Миллионерская тачка требовала самого лучшего бензина и жрала его, как Робин-Бобин. Мама в шутку советовала халтурить – катать свадьбы. Папа отмахивался.

Ушко у крысенка почти прошло. Я повторила танец, и мама закапала лекарство. Крысята повеселели, стали носиться по столу, заглядывая всем в тарелки. Узел хвостиков бестолково прыгал перед глазами. Маму он здорово расстраивал. Она смотрела на него, как на шарик гипнотизера, и повторяла:

– Что же делать?

Я обещала ей проконсультироваться с Липатовым. Он подарил крысу, значит, должен все знать об их болячках.

* * *

Маньяк Липатов оказался с пониманием. Я ему позвонила, мол, родился пучок крысят, что делать? Он прискакал как на пожар. Ворвался на кухню, как скорая ветеринарная помощь. Как хищник схватил пучок сросшихся хвостиков, повертел и выдал:

– Это бывает. Называется «крысиный король». Просто крысята срослись хвостиками. Отнесешь к ветеринару, он распутает – и нормально.

– Им же больно будет, – возразила я. Он только хмыкнул:

– Как хочешь. В природе им никто хвостов не распутывает, всю жизнь так живут.

Я решила не распутывать. Липатов еще повозился с крысятами, сказал, что они у меня акселераты: уже шерстяные-глазастые, хотя обычно крысята должны быть слепыми-голыми до трех недель. Проконсультировал меня подробнее насчет ухода и быстро ретировался. Кажется, он стеснялся моих родителей.

* * *

Из-за объявленной тишины автобусную остановку перенесли на соседнюю улицу. Папа не поехал на работу, а мне было разрешено не ходить в школу. Я села к родителям на диван и уставилась в телек.

По кабельному показывали фотку академика Александринского в траурной рамке.

– Переключи, – попросил папа. Я стала искать пульт. Только что положила его на диван... Пульт вывернулся из-под руки и ускакал. Рыжая! Сейчас сгрызет, как мою туфлю!

– Отдай! – я бросилась за ней, но диктор из телеящика заставил меня прекратить погоню.

– Незадолго до смерти, – произнес он, – академик узнал из районной газеты о восьмикласснице, которая благодаря упорному труду перешла в середине года сразу в десятый класс. Александр Иванович был в восторге от ее трудолюбия и тяги к знаниям. Желая создать

одаренной девочке все условия для дальнейшей учебы, академик завещал семье новой десятиклассницы Светланы Лебедевой свой особняк.

* * *

Я как стояла на четвереньках с протянутой к пульту рукой, так и... осталась стоять. Ничего себе подарочки от академиков!

Папа очнулся первым:

– Ну, ты даешь, Светка! Когда с академиком подружиться успела?

Я только головой помотала:

– Ты же сам видел газету. Вот и он видел. Слышал же, что диктор говорит.

Папа хлопнул меня по плечу:

– Молоток! Так держать! – потом подумал и добавил: – А зачем нам особняк? Кто в нем убираться-то будет?

В разговор вмешалась мама, и пошло-поехало:

– Ты ничего не понимаешь. Ребенок хорошо учится, вот академики и завещают ему особняки, а тебе все не так... Мы со Светкой будем убираться, понятно, что не ты... Ничего ты не понимаешь. Сколько можно жить в хрущобе, уже сам скоро академиком станешь!

В общем, мама его убедила, и отец, сорвавшись с дивана, стал обзванивать всякие конторы, где предстояло оформлять документы.

– Может, и собаку заведем, – продолжала мама мечтательно.

Я кивнула. Можно и собаку. В особняке все можно. Вряд ли крыски будут ревновать, мы им выделим отдельную комнату. А собака пусть во дворе живет. Благодать!

– За что нам такое счастье?! – не унималась мама.

Я тоже хотела бы это знать.

Глава XI

Как я пошла в школу, а оказалась на сцене с Тутси

Тишину отменили только через два дня, но мне было мало. В школу не хотелось – хоть вешайся. Я с ужасом представляла ухмыляющиеся рожи новых одноклассников, Волкова с подбитым глазом. Что за пакость он мне приготовит сегодня? И что я ему сделала? Пришла в его класс? Он рэкетир какой, что ли, кидается на всех, кто забредает на его территорию?

Но занятий сегодня не было. То есть почти не было. Едва мы успели достать тетрадки, а Волков – всего лишь разок дернуть меня за волосы (дурацкая стрижка у Тутси, есть за что дергать), как в класс ввалилась целая комиссия.

Возглавлял ее парень в кожаных штанах непотребного вида, за ним шли две женщины в деловых костюмах и еще два парня с синими волосами. Они что-то шепнули училке, потом кожаный обратился к классу:

– Ты, ты и ты, пошли с нами, – он ткнул пальцем в меня и еще двух девчонок.

Ничего не понимая, мы пошли за комиссией. Привели нас в актовЫй зал, врубили музыку и велели танцевать. Отбор на районную олимпиаду по ритмике, что ли?

Оказалось, нет. Когда двух девчонок выгнали учиться дальше, оставив только меня, синеволосые раскрыли секрет: они отбирали девочек для подтанцовки группе «Гимназия». Да, той самой, где пела Тутси! И выбрали меня!

Сказать, что я была счастлива – все равно что сказать про «Евгения Онегина» – «стишок».

Мне было велено бежать домой переодеваться и к двум быть на студии.

Я была там в половине первого.

* * *

Над головой светили лампы, под ногами лежали толстые провода телекамер. На сцене выплясывала сама Тутси в коротком красном топике и рваных джинсах, а за спиной у нее... Ну, не прямо за спиной, а шагах в пяти... Нет, это была не я! Когда мне говорили, что я похожа на Тутси, я только отмахивалась. А сейчас на сцене повторяла все движения звезды Тутси-2, нет, Тутси-Моложе-На-Десять-Лет, Тутси-Стройнее-Чем-Настоящая! На большом экране, как в зеркале, я видела себя со стороны и нарочно чуть-чуть сбивалась, даже один раз не в ритм помахала рукой, чтобы доказать себе, что это все-таки я!

Конечно, я двигаюсь лучше, но... звезда здесь она, а я – подтанцовка. Пусть, я все равно счастлива, мне хватит.

Мелодия была знакомая – ничего нового в тот день не записывали, просто репетировали с новыми подтанцовщиками. Старые ее песни я все знала наизусть.

Спина Тутси прыгала передо мной. Звучала музыка, ее музыка, ну и что же, что «фанера». Я танцевала и не могла поверить, что это не сон.

– Стоп! Хватит! – вернул меня на землю голос режиссера.

– Отлично, ты и ты, – он ткнул в меня и еще в одну девчонку, – завтра поедете с нами на концерт. – Сделал театральную паузу и добавил: – Концерт в четыре. Вы должны в двенадцать быть на студии.

Я так и подпрыгнула: ура! Я принята в подтанцовку Тутси! И в школу завтра не пойду!

Глава XII

Как мы переехали в особняк, а их величество принимал подношения

Вечером переезжали в особняк. Я ходила и шурилась. Просторно! Моя комната в новом особняке была размером со всю нашу бывшую квартиру. Собственно, своя комната у меня здесь была не одна. Родители поселились на третьем этаже, Их Величеству (так в шутку обозвала крысят мама, когда услышала от Липатова «крысиный король»), Их Величеству отдали первый, а мне предоставили второй.

В дверь позвонили. Звонок был не такой, как в нашей городской квартире, а как будто целый колокол. Я еще не привыкла и вздрогнула, немного побоялась, а уж потом только пошла открывать.

Есть вещи, которые можно ждать в любую минуту, именно поэтому их не ждешь никогда. Землетрясение, ураган, болезнь, смерть, визит на дом директора школы... Лариса стояла на пороге, по-утреннему собранная, напомаженная, еще дышащая зубной пастой.

– Света? Осваиваешься? – Я кивнула, чтобы ее не обижать. Лариса продолжала в том же духе: – Как ты себя чувствуешь?

Я только хмыкнула: а как она сама-то думает?

Но Лариса не поняла. Решив, что все вежливые вопросы уже заданы, она извлекла из сумочки сверток и затрещала:

– Я слышала, ты обзавелась домашним любимцем? Поздравляю. Вот тут тебе книжечка: «Как ухаживать за декоративными крысами», – она вынула из свертка брошюрку, – вот еще специальный корм и витамины...

Пока я удивлялась, Лариса всучила мне свертки и утопала.

Только за ней захлопнулась дверь, как опять позвонили. Это еще кто? На пороге стояла бывшая соседка – тетя Люда.

– Света? Я слышала, ты крысу завела?

– Угу.

– На вот возьми ей яблочко погрызть. Сейчас зима, витамины нужны.

Она сунула мне два яблока и укувыляла к себе. Почти сразу пришел другой бывший сосед – столяр дядя Витя. Он принес крысам лесенку и деревянный домик. Потом пришла тетя Шура – кошатница, поведала страшную историю, что котиков у нее отобрали с милицией. Каким таким макарон – я не поняла. Хотя у тети Шуры все, кто в форме – милиция, может, это живодеры и были. Она принесла крысятам бубликов. Потом пришла целая орда маминых подруг с фруктами и семечками.

Весь день в дверь звонили друзья, соседи, знакомые, полужнакомые и приносили что-нибудь для крыс.

Я-то понимала, в чем тут дело. Крысы здесь ни при чем. Мне, что ли, самой не хотелось зайти в особняк, посмотреть, как живет академик? Хотелось. И всем хочется. Ну и на меня глянуть заодно. Я теперь как-никак районная знаменитость. А завтра, если концерт Тутси покажут по телеку, стану всероссийской!

Их Величество был счастлив. Он лез на руки к проходящим, с любопытством заглядывал в пакеты – что там ему принесли, доставал, что мог унести, и прятал где-нибудь под кроватью или за шкафом. Мы ему не мешали. Пусть, места много!

Папа только сказал на это:

– Что, братки, продуктовый склад открываем? – Крысята согласно пискнули и стали носиться по дому. Простое крысиное счастье – корма выше головы и ничего больше не надо.

Глава XIII

Как режиссер меня выгнал, но передумал, потому что у расчески была острая ручка

Я прискакала на студию раньше всех. Угрюмый охранник долго сличал фотку на пропуске с фоткой в паспорте и, наконец, изрек:

– Проходи. Только там все равно еще никого нет. Возьми, вот ключи и жди в гримерке. Танцевальная – номер пять.

Я кивнула, цапнула ключи, мухой взлетела вверх по лестнице, проигнорировав лифт. Сегодня я буду выступать с Тутси! Девчонки от зависти лопнут и в восьмом, и в десятом! Пусть только этот Волков посмеет еще ко мне ползеть! Да я на него полшколы натравлю, не только одного Липатова!

Ключей было много, наверное, килограмм. Я отперла студию, миновала сцену, нырнула за кулисы. Вот гримерка номер пять. Ждать велено здесь. Интересно, а где гримируется Тутси?

Мысль была чумовая – проникновение на заповедную территорию. Но ключи жгли мне руки. Вкрадчивый внутренний голос шептал:

– Никто не узнает... Только одним глазком...

Все гримерки были пронумерованы, и только комнатка звезды подписана «Тутси». Дрожащими руками я подобрала ключ...

С минуту я стояла в дверях, не дыша. Скажи мне кто-нибудь еще позавчера, что я вот так просто открою дверь и попаду сюда – я бы решила, что издеваются над моими лучшими чувствами, и вцепилась бы по морде. Но это была правда. Я нахожусь в ее гримерке. Могу даже присесть в ее кресло перед ее зеркалом...

Я немедленно присела. Похожа! Как похожа!

На спинке кресла висел топик, тот, вчерашний. На болванке – парик. А я-то думала, что у нее свои волосы!

Парик я натянула, глянула в зеркало – ничего не изменилось. Выходит, стриглась я не под Тутси, а под ее парик. Примерила топик – ух ты!

*– Мишка бегает в лесу,
Собирает колбасу!*

Я пела и пританцовывала перед зеркалом, изображая Тутси. Вместо микрофона взяла расческу. Выходило здорово. Я видела все клипы «Гимназии» по миллиону раз каждый! Я знала, на какой ноте в какой песне какую гримаску делает моя любимая, моя ненавистная солистка, и сейчас в ее гримерке я с удовольствием это изображала:

*– Мишка бегает в лесу
Собира...*

– Это что такое!? Охрана!

Я вздрогнула и чуть не выронила расческу. Тутси! Волосы у нее были рыжие, а не светлые, и подстрижены совсем коротко, под ноль-пять, как у призывников. Без косметики она выглядела лет на тридцать.

– Ты что здесь делаешь, я тебя спрашиваю!? – Она подскочила ко мне вплотную и схватила за топик, который принадлежал вообще-то ей. Под глазами у звезды была тонкая сеточка морщин. Точно, тридцатник. Не меньше. А везде пишут, что двадцать четыре!

– Я... Я просто играла... – А что тут еще сказать? Можно еще глупо добавить: – Извините, больше не буду...

– Безобразие! – не унималась Тутси. – Я не для того себе десять лет дорогу пробивала, чтобы каждая соплячка шарила в моей гримерке!

На шум прибежали охранники с режиссером. Увидев, что певицу никто не убивает, они остановились в дверях, предоставив ей возможность самой разбираться.

– Да кто ты такая?! – визжала Тутси.

Идиотка. По крайней мере, таковой я себя чувствовала. Кривлялась перед зеркалом как маленькая, а теперь могу потерять такое классное место!

– Кто тебе дал право копаться в моих вещах?!

– Я не...

– Молчать! – Она рванула у меня забытую в руке расческу и...

Кошачий концерт во время облавы живодеров показался мне райской музыкой. Звезда с воем согнулась пополам, закрывая лицо руками. Между пальцев у нее торчала расческа. Я представила, как глубоко могла воткнуться заостренная ручка, и меня замутило. Из-под сомкнутых ладоней Тутси ей на подбородок скользнула струйка крови.

– Глаз! Врача! – закричала я режиссеру и охраннику.

Они еще стояли, остолбенев, пока сама Тутси не рявкнула:

– Врача быстро!

Звонить в «Скорую» побежал охранник. А режиссер сказал мне:

– Вон!

Я побрела, так и не сняв парик и красную топку звезды. Вот и прославилась на всю Россию: Лебедева Светлана – девочка, которая искалечила Тутси.

Коридор был длинный. В конце режиссер догнал меня, отвел в соседнюю с Тутсиной гримерку и запер, бросив:

– Сиди тихо!

Я слышала топот, стоны певицы и обрывки разговоров:

– Что, уже за деньги нельзя профессора достать?!

– Профессор скажет вам то же самое!

– Везите, везите скорее! – (Это Тутси). – Пусть отменяют!

– У нее выход через час!

– Какой выход, когда глаза нет!..

Потом настала тишина.

В гримерку слева от моей (Тутсина была справа) заходили другие подтанцовщицы, они звякали какими-то флакончиками, трещали о девичьем, они еще ничего не знали. Я сидела, как идиотка, в топике Тутси, в ее парике, надетом поверх точно таких же собственных волос, и думала, что теперь будет.

Заскрежетал ключ в замке.

– Встань, – приказал режиссер. – Руки вверх!

Плохо соображая, я подняла руки, как будто сдавалась.

– Да не так! Из «Мостов»!

Я показала, как Тутси изображает мосты, которые «стоят, как заломленные руки». На этом месте в клипе показывают ее локти, у Тутси они тоненькие, трогательные, с ямочкой, и у меня не хуже. Потом проигрыш, поворот, шаг влево, шаг назад и третий куплет: «Я твою любовь сберегу...».

– О` кей, – сказал режиссер. – Выйдешь вместо нее.

* * *

И Лебедева Светлана, которая искалечила Тутси, стала Лебедевой Светланой, которая заменила Тутси.

Глава XIV

Как мне достались бордовые розы Тутси, папа катал свадьбу, а мама читала газету

Это совсем не страшно – стоять на сцене перед огромной публикой. Не страшно разевать рот под «фанеру», а то, что танцевать не страшно, я и так знала. Все свистели и хлопали не Тутси, а мне, хотя думали, что свистят и хлопают Тутси. Надо подкатить к режиссеру и намекнуть, что петь я умею.

После концерта на сцену понесли цветы – я никогда не видела столько и сразу! Розы, бордовые – любимые цветы Тутси. Мне больше нравятся белые, но бог с ними.

* * *

Папа заехал за мной на лимузине. Сегодня шоферская фуражка его выручила – без нее он бы не прорвался сквозь толпу поклонников.

– А я что расскажу! – первым начал папа, когда я, как положено звезде, уселась в двух километрах от него на задний диванчик. – Вчера смотрю, какой-то тип вертится у машины. Думал, угонщик. Выхожу, а он ко мне: «Шеф, нужно свадьбу покатать».

– Ну и как, покатал?

– Покатал, – то ли пожаловался, то ли похвастался папа. – Я не хотел. Заломил пятьсот долларов за два часа, чтобы он отстал. А он заплатил сразу. Мне уже неудобно было отказывать.

Я рассказала, как Тутси выколола себе глаз расческой, и все остальное.

– Значит, ты теперь вместо нее?

– В этом месяце точно, пока она не поправится. Хочу сказать режиссеру, что я умею петь, может, без нее что-нибудь новенькое запишем.

Планы были наполеоновские. Мне уже казалось, что нет ничего невозможного.

* * *

Дома нас ждала мама. Она уволилась от своего Лысого, компьютер даже не включала и весь день убиралась в особняке и забавлялась с Их Величеством. С порога она сунула мне газету:

– Почитай, что про крысиных королей пишут!

Заметочка была средней руки – истории про домохозяек, которые видели крысиного короля. Одна угостила его сухариком, и ей обломилось огромное наследство. Другая его регулярно кормила и прожила до ста лет (три ха-ха! Крысы живут недолго. Чтобы дожить с крысиным королем до ста лет, старушке надо было сначала без него дожить этак до девяноста семи). В заметке утверждалось, что крысиный король приносит счастье.

– И что ты об этом думаешь? – спросила мама.

Я только хмыкнула – похоже на правду. Очень похоже, но... Если бы я не умела танцевать, то никакой король не помог бы мне попасть к Тутси в подтанцовку. Если бы я не залезла в ее гримерку, то никак не оказалась бы вместо нее на сцене. Хотя везло нам последнее время сказочно.

– Думаю, тебе стоит брать его с собой на концерты, – предложила мама, – как талисман.

Я подумала, а что? Неплохо для рекламы. У кого еще есть такая редкость – крысиный король?

Глава XV

Как я купалась в лучах славы, а король приказывал почесать животики

Журналюги опять подпортили мне малину. Надо же поместить на первую полосу такую неудачную фотографию! Мне сделали какой-то длинный нос, а Их Величество не поместился целиком – у меня, между прочим, восемь крысят, а не шесть... Фу!

– Очень даже ничего, – успокаивала мама, – ты здесь такая взрослая!

Я отмахнулась. Маленьким детям приятно слышать: «Какая ты взрослая», а вот в четырнадцать лет это уже похоже на «Какая ты старая!».

Их Величество обнюхал газету и демонстративно принялся ее грызть. Я была с ним совершенно согласна.

В дверь позвонили.

– Почтальон! – крикнула мама уже из прихожей. – Света, иди посмотри, что прислали!

Я натянула халат, вылезла из постели, прихватив Их Величество, спустилась вниз. Тупые поклонники опять наслали бордовых роз! Сколько раз говорила – белые, только белые... Никому сегодня не дам автограф!

На улице шумела толпа. Я знала, что это они – дарители букетов. Нравится им Тутси одноглазая, пусть ей цветы и несут, она им автографы будет раздавать. Я не буду. Я не Тутси, я Светка, и я люблю белые розы.

Их Величество слез с моего плеча и теперь внимательно принюхивался к ящикам. Конечно, поклонники позаботились и о нем. Может, простить их за это?

В одном ящике были яблоки – нормально. Король тут же стал растаскивать их по квартире. Пусть, он же крыса. Вечно прячет свои припасы то под кроватью, то в диване. В другом апельси...

– Кто прислал апельсины? – Я разозлилась, как черт. Такое чувство, будто поклонники нарочно хотят отравить мой талисман! – У него аллергия на цитрусовые! Папа, выкинь!

Так вот недоглядишь, и прощайте, Ваше Величество. А это что за ящик? Ящик был аж с Крайнего Севера, так гласил обратный адрес. В ящике была соленая рыба. Они издеваются, что ли?

– Папа! – Мне было обидно за короля. Чем он заслужил, чтобы его травили? – Папа, ты зачем принял рыбу?! Забыл, как он поел семги, а потом пил, пил, чуть не лопнул!

Папа глянул в ящик, охнул и потащил рыбу и апельсины на помойку. В окно было видно, как на него со всех сторон набрасываются мои поклонники. Автограф, что ли, хотят взять у человека, у которого заняты руки? Ну-ну.

В остальных ящиках были продукты вроде приемлемые, и я позволила Их Величеству заняться дегустацией.

Запикали наручные часы – пора ехать на съемки. Я уже стояла в прихожей, умытая и одетая, папа завел «Линкольн», охрана разогнала поклонников и папарацци. Но тут Их Величество закапризничал. Он лег на спины и задрал лапки – хотел, чтобы почесали животики. Повзрослев, он стал кое-что понимать в крысиных радостях. С мамой ему было уже неинтересно, а больше нравилось общаться с людьми, ездить со мной на съемки, сидеть в кафе. Любил он, когда я дома пою и танцую только для него, и чтобы животики чесали. Король – он и есть король. Пришлось чесать.

Шестнадцать глаз умильно щурились, тридцать две лапки болтались в воздухе. Газетная заметка не врала, дружба с крысиным королем действительно приносит удачу, и я уже убедилась в этом.

– После съемок надо заглянуть в школу, – напомнила я Их Величеству. И пожаловалась: – Я ж ее до сих пор не закончила, с этой попсой все некогда.

Глазки продолжали жмуриться, а восемь голов синхронно кивнули.

* * *

На съемках Их Величество не вылезал из кадра. Мы снимали клип о крысином короле (типа он же мой талисман!), и король был весьма кстати. Ему нравилось позировать перед камерой. Режиссер хотел заставить его жрать черствые сухари и был наказан: сам же черствым сухарем и подавился. Я послала гримершу за ванильными, и дело пошло. Король сидел на столе и грыз ванильные сухарики из вазочки. Я пела на втором плане. Было здорово петь свою песню, сниматься со своим талисманом и осознавать, что ты – уже действительно ты. Светка, а не Тутси. Светка – мое сценическое имя. Мне нравится.

Кстати, Тутси еще поет в провинции, где нет больших безжалостных экранов, на которых виден ее косящий, полуслепой глаз. Я сделала для нее все, что могла: сохранила ансамбль, сочинила для прессы героическую историю о поврежденном глазе (якобы она спасла меня, когда я падала в оркестровую яму, но напоролась на смычок скрипача). А Тутси прислала мне расческу с острой ручкой. Надо послать ей свой диск с автографом, пускай позлится.

Режиссер, подавившись сухарем, стал шелковым. Клип сняли за два часа, и мы с королем поехали на вручение премии.

Премию давало какое-то общество защиты животных (Их полно. Я считала, но после седьмой премии сбилась.) Их Величество покорял администрацию этих обществ своим экстравагантным видом. Меня они уважали и премировали исключительно за любовь к крысам, которых, как они считали, вообще мало кто любит. Дураки!

Папа отвез нас в гостиницу, где вручалась премия, но в зал не пошел. Он всегда предпочитал ждать на улице, хотя его всегда звали присоединиться. Сам он говорит: «Люблю воздухом дышать», но мне кажется, он еще помнит тот день, когда его приняли за шофера. Видимо, смирился и не хочет больше провоцировать охранников.

Народу было, как всегда – полторы тысячи, меньше на вручения таких премий не собирают, а больше – не найдешь. Я окинула взглядом первый ряд, где сидели номинанты, и поняла: опять мы пришли рано. Номинантов оказалось человек двадцать. Пока до нас дойдут, два часа будем париться. Я села и приготовилась дремать. Их Величество свернулся у меня на коленях, требуя почесать животик. Я чесала, чесала и уснула. Проснулась, только когда вызвали на сцену. На этот раз дали «Золотого Айболита» – придумают же такое название! Но королю оно понравилось. Он обнюхал статуэтку и кивнул – можно не отказываться. Фотографы были в восторге! Они принялись ползать вокруг и щелкать Их Величество. Я смотрела, стараясь подавить зеवоту – надоели. Сами, небось, кошек держат.

Глава XVI

Как я одна из всего выпуска получила золотую медаль

Ларисе я позвонила из машины, сказала, что еду. Она встречала меня на ступенях школы:

– Света, как дела?

Я пожала плечами: сама, что ли, не видит?

– А я решила, что тебе в десятом париться, иди-ка ты сразу в одиннадцатый. Экзамены выпускные сдашь сейчас – и готовься к институту. Зачем способной ученице зря столько лет терять?

Я кивнула: правильно, нечего мне терять столько лет. Сдам экзамены, поступлю в институт, закончу его за полгода и можно спокойно петь.

– Какие экзамены надо сдавать? – спросила я.

Лариса услужливо протянула мне учебный план. Я глянула... и обалдела. В алгебре не было ни одной знакомой темы, в физике и химии – ни одного знакомого слова... Да, придется поработать... Хотя что это я? Зачем работать, Лариса и так выпишет мне аттестат. Пускай только попробует не выписать. Да я ей!..

– Готовьте аттестат, – выдала я, дивясь собственной наглости, – с одними пятерками.

Лариса приподняла бровь – это не обещало ничего хорошего. Последний раз я видела, как она приподнимает бровь, год назад, она тогда выгоняла мою одноклассницу Ленку. И выгнала. Неужели... Нет, она не посмеет!

И она не посмела. Она сказала:

– Пойдем. – И мы пошли к ней в кабинет.

Она посадила меня в кресло, а сама принялась кому-то звонить, с кем-то ругаться, кого-то уговаривать. Она листала классный журнал, мой дневник, еще кучу каких-то бумаг, гоняла секретаршу до мыльной пены, и через час у меня на коленях лежал аттестат о среднем образовании. Новенький, еще пахнувший чернилами и типографской краской. Я открыла – прекрасно, одни пятерки. Хоть завтра в университет!

– Медаль давать? – угрюмо спросила Лариса. Кажется, она расстроилась из-за того, что ей придется расстаться с такой способной ученицей. – У нас с медалями напряженка, – виновато добавила она. – Удостоверений сколько угодно выписать могу, а самих металлических кругляшков – не больше пяти на выпуск.

Я сказала:

– Я и есть весь выпуск. Или вы сейчас еще кого-то выпускаете? В середине-то года?

Лариса подумала и, скрепя сердце, достала мне из сейфа легонькую тонкую медаль в красной коробочке. Так-то лучше.

Глава XVII

Как я опять плясала перед крысами, а мама попала в больницу

Я еще с порога поняла: что-то не так. Их Величество сорвался с моего плеча и рванул в комнаты, пища и постанывая. Из погреба (у нас в особняке погреб) с довольным видом вынырнула мама.

– Я убрала крысиные запасы, – сообщила она, – а то уже пованивать начали.

С тех пор как мы с королем стали знаменитыми, ему каждый день приносят еду буквально ящиками. А он, даром, что король, делает запасы под диваном, в диване, в шкафах, как обыкновенная крыса. С утра в доме вообще было не развернуться – того и гляди, раздавишь какой-нибудь помидор.

Королю не понравилась мамина затея. Он как ошалелый бегал по комнатам, заглядывая под столы-диваны, не находя там своих запасов и пища, как сорок пищалок. Крысиная мамаша, видя такое дело, вторила ему. Родители смеялись.

– Светка, успокой зверя! – велел папа. – Твой талисман как-никак.

Я включила музыку, встала перед Их Величеством и начала выплясывать. Минута, другая – и крысы притихли, улеглись на диван, блаженно шурясь. Животные, а искусство ценят!

Папа с мамой ушли к себе наверх, а я танцевала для короля. Все-таки крысы на редкость умные животные – какому-нибудь котенку было бы все равно, хоть ансамбль Российской армии пригласи – по фигу. Будут орать и жрать просить. А крыса понимает. Когда я стала напевать нашу новую песенку о крысином короле, Его Величество в такт забил узелком на хвостиках.

Я не слышала ни крика, ни грохота. В таком большом особняке вообще трудно расслышать, что происходит на других этажах. И папа не мог меня позвать – он был очень занят. Я танцевала, когда к подъезду с воем подлетела «Скорая».

Не помню, как я бежала к двери. Помню растерянного папу, циничного медбрата («Лучше надо полки приколачивать!»), помню окровавленную мумию на носилках – мама в бинтах. Говорят, что жива, что на нее упала кухонная полка, тяжелая, как статуя Свободы. Помню умильные морды Их Величества на диване. У крыс была голубая мягкая шерстка и черные глазки-бусинки. Помню упавшую полку в луже крови.

Папа прошел в комнату и плюхнулся на диван. Я к нему. Крысы радостно скакали по нам. Папа рассеяно следил за узлом хвостиков, прыгающим по дивану туда-сюда. Он считал себя виноватым, как же, полки надо лучше приколачивать.

– Что врач сказал?

– Сотрясение мозга – точно. И переломов, наверное, полно.

Я забралась на диван с ногами и прижала к себе крыс. Нам ведь всем так везло последнее время! Сказочно везло. Почему вдруг случилось такое?

Глава XVIII

Как нам во всем перестало везти

Через неделю позвонили из налоговой инспекции и порадовали: надо уплатить налог на наследство – десять процентов стоимости особняка. Папа ходил из угла в угол, схватившись за голову:

– Я же говорил, не надо переезжать! – стонал он. – Ты на своих концертах столько заработаешь?!

Я выложила правду: заработаю через год, когда продюсер вернет свои, вложенные в меня, деньги. А пока он за меня платит: съемки клипа, запись диска, раскрутка на телевидении, зарплата ансамблю, фониатор, гримерша, педагог по танцу...

Папа разинул рот:

– И много мы ему должны?

– Пока сто тысяч. Долларов, конечно. К лету в меня вложат двести пятьдесят, но мы уже будем зарабатывать больше, чем тратим. А к ноябрю проект «Светка» выйдет на точку рентабельности и начнет приносить чистую прибыль.

– А с нами ты посоветовалась? – тихо спросил папа. – Представь, ты сорвешь голос или серьезно заболеешь. У нас же все отберут за долги!

Я сказала:

– Не отберут, это коммерческий риск продюсера. Я же несовершеннолетняя и никаких документов не подписывала. Все на честном слове.

Он смотрел на меня, как будто не узнавая:

– Светка, это не ты. «Точка рентабельности», «коммерческий риск»... Месяц назад ты еще в куклы играла!

– Нельзя же всю жизнь играть в куклы, – ответила я и пошла к королю.

* * *

Их Величество с утра занедужил. Ночью он забрался в погреб и просидел там до утра, охраняя припасы. Он простудился, объелся тухлятины и теперь лежал, постанывая, и требовал теплого молока. Не надо смеяться, я не понимаю крысиный язык, зато всегда знаю, что хочет Их Величество. Сейчас он хотел молока, я грела, а папа носился из угла в угол.

– Мать тоже хороша, работу бросила, – ворчал он. Потом осекся, вспомнил, что мама в больнице, и совсем загрустил: – Что делать-то Светка?

Я была занята снятием пенки:

– Попроси Их Величество, он поможет.

– Он?! – папа кивнул на крыс. Король валялся на диване с несчастной мордой. Он глянул на папу и поморщился, мол не до тебя мне.

– У него животы болят, – вступилась я за короля. Попробуй сам. Ты же возил свадьбы на «Линкольне», почему бы снова не попробовать?

Папа покрутил пальцем у виска:

– Знаешь, сколько свадеб надо перевезти, чтобы уплатить этот налог? Если поженить всех совершеннолетних в Москве... – он задумался, подсчитывая, хватит ли в таком случае на налог. Кажется, получилось, что хватит.

– Глуposti! – подытожил он. – Надо переезжать на старую квартиру!

Это был удар ниже пояса. Если пресса разносит, что восходящая поп-звезда переехала в пятиэтажку, я здорово упаду в глазах поклонников и, главное, продюсера. Так здорово, что первый клип может оказаться и последним... А что делать?

– А подождать они не могут? – спросила я. – Сделать исключение для звезды и все такое?

Папа так посмотрел на меня, что стало ясно – не могут.

* * *

Я выключила молоко и оставила на плите остывать. Их Величество сполз с дивана, подошел к плите и нетерпеливо поскреб ее лапкой. Я сказала:

– Подожди, пока остынет.

Но король ждать не хотел. Он скреб плиту, оставляя на металле ровные царапины. Папа подошел к нему:

– Выручай, Величество, – он хотел присесть на корточки, но неловко двинул локтем и опрокинул коврик с горячим молоком. Прямо на короля. Их Величество взвизгнул и убежал под диван.

– Ну вот, – расстроился папа, – я не хотел, извини.

Я полезла доставать короля и обрабатывать ожог. Обрабатывать, собственно, было нечего – короля спасла густая шерсть, я нашла только несколько красных пятен на коже. На всякий случай помазала ожоги мазью, подула, почесала королю животики, и он успокоился.

Папа, чувствуя свою вину, больше не подкатывал к королю с просьбами. Сказал:

– Съезжу к маме в больницу, – и уехал.

В больницу. В травматологию, следом за мамой. За ним захлопнулась дверь, а через две минуты под окном уже выла «Скорая».

Папа попал под автобус и сломал бедро, – это все, что мне удалось вытрясти из суесящих санитаров. Папины же слова все сводились приблизительно к: «Ни фиги себе, съездил в больницу!», – но очень приблизительно.

Я осталась одна в чужом особняке с не заправленным «Линкольном», пустым кошелем и погребом, полным наполовину стухших продуктов. И все так неожиданно...

Я повернулась к королю:

– Что ж ты, Величество, мышей не ловишь?

Король презрительно пукнул.

* * *

Что вдруг такое стряслось, что за череда неприятностей?! У нас же есть талисман – крысиный король, всемогущий, добрый... А родители в больнице. И дом хотят отобрать за налоги...

Их Величество лежал на диване со страдальческим выражением на мордочках. К простуде и поносу прибавился еще и ожог, пусть и не сильный, но все равно неприятно. Может, в нем все дело? А что? Логично! Если талисман нездоров, то и нам не везет.

Я бросилась опять кипятить молоко. В голову лезли дурацкие мысли: где же взять денег, чтобы заплатить этот налог? Где вообще взять денег? Летом поедем «чесать» по курортным городам, продюсер обещал, что деньги будем складывать в чемоданы. Но для этого надо, чтобы меня знали. Все, что я зарабатываю на концертах, и еще куча денег продюсера уходит на то, чтобы наш с Их Величеством клип крутили по телеку. Мне дают по сто баксов на карманные расходы. Это много для восьмиклассницы, но катастрофически мало для звезды....

Наудачу я позвонила продюсеру – может, даст денег? В конце концов, проект «Светка» должен принести ему больше, чем мне.

Трубку взяла секретарша. Я слышала, как продюсер шепнул:

– Лебедева? Денег будет просить. Скажи, что я уехал.

Что ж, ответ ясен: не больно-то нужен ему проект «Светка». У продюсера есть бренд: группа «Гимназия». Бренд – то, что все знают, то, что приносит деньги. Я солистка, но сама по себе не бренд. Светку легко заменить на Зойку или Зинку, уж я-то знаю. Сама две недели кривлялась за Тутси, и никто даже не заметил.

Стало еще паршивее.

Их Величество как ни в чем не бывало хлебал молочко из кружки, с ехидцей поглядывая на меня. Что делать? Что делать? Снимать штаны и бегать... Да, скоро будем бегать без штанов, и то не все. Папа с мамой бегать еще долго не смогут. Папа – точно. Сломанное бедро долго срастается.

– Подлый ты, Ваше Величество, – неожиданно для самой себя ляпнула я. Крыса-то при чем? Может, я сама бездарность, потому продюсер и не хочет со мной разговаривать... А может, и не сама?..

Глава XIX

Как Липатов сказал то, о чем я боялась подумать

Я оделась и вышла в парк. Было жутко оставаться одной с королем в огромном опустевшем доме.

Ветер со снегом больно бил в лицо, лед норовил уйти из-под ног. Я шла к Липатову, потому что больше было не к кому. Родители в больнице. Подруги лелеют свои обиды: с одной я не стала говорить по телефону (принимала журналистов), другой осталось неудобное место на концерт (какие билеты мне оставили, такие и раздарила), мимо третьей посмела проехать вместо того, чтобы остановить лимузин и броситься ей на шею (бред собачий, даже комментировать не хочу). Поклонники? Выслушают с восторгом и разболтают мои тайны просто для того, чтобы доказать другим, что сама Светка им доверилась. Продюсер? Это в кино требовательный, но добрый в душе дядя вытирает слезы юной певице и говорит: «Держись! Крепись!». А в жизни-то я помнила, как Тутси выла с расческой в глазу, а он уже все просчитал и запер меня в гримерке. Нашел замену... Нет, один Липатов у меня и остался.

Липатов жил с бабушкой. Она открыла мне, прошамкала «Здравствуйте... Саша, к тебе» и скрылась в своей комнате. Липатов выскочил в коридор.

– Ты? – удивился он.

– Надо поговорить, – ответила я на незадачный вопрос: «Чего приперлась?». Он кивнул:

– Проходи.

Вся комната от пола до потолка была забита крысиными клетками. У окна ютились письменный стол и диванчик. Крысы пищали, шуршали, грызли... Но все были чистенькие, ухоженные, и королей вроде не наблюдалось. Я прошлась вдоль ряда клеток – нет, точно нет.

– Зачем тебе столько? – спросила я, когда обрела способность говорить. Липатов пожал плечами:

– Дык, бизнес.

– На «птичке», что ли, торгуешь?

– Угу. Бабка сперва визжала, потом я ей объяснил коммерческую выгоду – даже любила. Некоторых берет пожить к себе в комнату.

Я приземлилась на диванчик.

– Ты о чем поговорить-то хотела? – спросил он, плюхаясь рядом. И я рассказала. Все. Липатов слушал, с каждой минутой все шире разевая рот. Кажется, он хотел сказать: «Врешь», – но почему-то не сказал. Когда я закончила, он почесал затылок и выдал:

– Это все Он!

Я сама об этом... не догадывалась, а, скажем так, *боялась догадаться*. Ходила вокруг да около и не смела даже про себя сказать то, что Липатов сказал вслух. А теперь все до меня дошло. Мама раньше целыми днями парилась на кухне, и полки на нее не падали. А как только убрала крысиные запасы, обидела Их Величество... А папа? Он опрокинул на короля горячее молоко. Случайно же, е-мое! И через пять минут!.. Я вспомнила еще старичка-ветеринара, который хотел разъединить хвосты, и как продюсер подавился сухарем, и как в ночь рожденья короля кого-то зарезали в ночном клубе... А история с академиком Александринским? Бодрый был человек, бегал по утрам, пока у Их Величества не заболело ушко. Ушко заболело – академик при смерти, на три улицы зона тишины. Академик уже умер, а тишину не снимали, ведь ушко не прошло...

Я сама с пальца выкормила этот кошмар. Я кипятила ему молочко... Как же теперь жить?!

– От него надо избавляться, – буднично сказал Липатов.

На секунду в комнате наступила тишина – крысы в клетках притихли. Потом вдруг хором запищали, затрясли лапками прутья клеток. От писка зазвенело в ушах. Липатов, тормоз, еще не понял, в чем дело. Он крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.